

Исвенко

Давно пережитое возвраща-
ется к нам.

Гомон вороний стай раздался
однажды ранним утром в те дале-
кие годы моего отрочества —
весной сорок второго. Птицы
тревожно кружили на краю аила.
В глубокий овраг у подножия го-
ры обрушился со склона чудо-
вищный оползень, переполнив
своей ударной массой извечный
ров на том месте, куда так часто,
бывало, бегала окрестная детва.
Небольшое стадо овец и па-
стушок, подавшиеся сюда с
утра, остались навечно погребен-
ными на дне балки. И именно эта
геологическая катастрофа
явилась причиной панического
ора птиц и людей, ибо все живое
осязает возможность своего
существования лишь тогда, когда
незыблема сама земля. Помню,
какое потрясение извела я в
тот час: обезумевшие женщины
источно кричали, срывая платки
с голов, что это знак беды — го-
ра, как дикий конь, кинулась в
пропасть, — что это наказание
Бога, конец света! И что покны-
ты они, вдовы горемычные,
брошены с детьми, а мужья гибнут
на фронте, и не на чем пах-
ать землю, и некому бросать
семена. И осталось только гинуть
всем куда глаза глядят,
всем родом, всем племенем...

И не смолкали вороны над го-
ловой, разрывая душу отчаянным
гряем, четырнадцатилетний се-
кретарь сельсовета, шел на кузи-
цу к старикам посоветоваться,
как быть, как вручить находив-
шиеся в моей сумке на боку еще
с дюжину похоронков с военны-
ми печатами, полученными нака-
нуне в райцентре. И не было
предела моей недетской скорби,
полной безысходности, страха,
тоски и от тяжелой ноши моей
на боку, и от обвала горы на
краю аила. А вороны, слетавшие
отовсюду, все орли над
оползнем, искавшим лик зем-
ной поверхности, все кружили и
надрывались в плаче за всех тварей
на свете и за людей в том
числе, оглашая окрестности го-
рестно хлопочущим, долго не
смолкающим эхом.

СПУСТЯ многие десятилетия
это эхо обернулось однажды
кошмаром. Приписались мне
неутоно кричащие вороны в тот
день, когда я очутился в Оше, в
прошлом злосчастном году, в на-
чале июня. Причудилось мне,
когда я вдруг зардел после
напряженного перелета из Моск-
вы в Ташкент, из Ташкента в
Ош, будто и я парю над землей
в гомоний стай вороний, кричу
и плачу от горя, а внизу тот
страшный оползень, скинувший
гору в пропасть, еще в дыму и
грохоте. Стонут женщины, срыва-
я платки с голов, и как
тогда, как многие годы тому
назад, садило сердце болью и
ночь душила тьмой. И все никак
не мог я освободиться от стес-
нящего ремина полесовой сумки,
табачки, как камнями, тяжестью
похоронков с печатами... Не хватало
воздуха, обдавало жаром...
Вскоре прибежал врач «скорой
помощи» с обезумевшими от
бессонницы глазами, в изобраз-
ном окровавленном халате, на-
слех изверженное давление, сделал
укол и с охранявшими его солда-
тами снова умылся на «газике».

Донеслись выстрелы, резкие
выкрики, звонили со всех сто-
рон — в окрестностях, в при-
городах, в районах, особенно в
Узгене, много убитых, раненых,
всюду пожары, погромы, люди
бегут, ища спасения сами от
себя...

То была «варфоломеевская
ночь» между узбекими и кыргыз-
ями, черная ночь судьбы на-
шей! Не предполагал, не подо-
зревал, не думал, что струсит
такое, как тот оползень под
воронийм гряем, исподволь под-
мытый разрушительной влагой.
И вот минул год. Не хотелось
бы теперь, когда ошское населе-
ние, включая и кыргызов, и узбе-
ков, сумело пережить столь кро-
вавую трагедию, превозмочь боль
и обиду, шагнуть на тропу при-
мирения, восстанавливая тем
самым вековые традиции еди-
ного, по сути дела, этнического
симбиоза, исторически сложив-
шегося в древнем центре тюрко-
язычной Ферганы между гор-
цами и равнинниками, теперь, ко-
гда кыргызы и узбеки ходят в
дома друг к другу, сообщая под-
нимают разрушенные стены, от-
вергнув утробный зов возмезд-
ия и сведения счетов, не хоте-
лось бы теперь, когда все это
извещано и измерено столь
тяжкой ценой, снова берeditь
старые раны.

О прошлогодних роковых со-
бытиях уже достаточно сказано
— и правдивого, и ложного, и
доброго, и злонамеренного. Ре-
ка бессмысленной смуты пошла
на убыль. А начиналось все со
слова, но об этом ниже.

В республике и области пред-
стоит незамедлительно решать
прежде брошенные на самотек
острые социальные проблемы,
послужившие запалом конфлик-
та. Это отдельный разговор, как
решать конкретную беженскую,
жилищную, молодежную, на-
ционально-кадровую, языковую
и другие неотложные пробле-
мы, каждая из которых — чрез-
вычайный вопрос междунаци-
онального бытия.

В данном же случае разговор
иной. Настала пора покаяний и
раздумий, вынесенных из кро-
вавых дней, из народной тра-
гедии (обойдодной), и в том, что
это стало возможным, заключено
спасение, в том проявился раз-
ум, поборовавший гнев и кипение
мести и вновь обретший, подни-
маясь над мраком «дхоньж» ин-
стинктов, свое высшее назначе-
ние, пренебрегать которым или,
более того, вертеть его снова в
омут вражды, отныне вдвойне
опасно и проклятопреступно в
коленах.

Хочу поделиться в этой
связи тем, что было пере-
жито мной и моими собратья-
ми по перу — узбекскими пи-
сателями Пиримкулом Кадыровым
и Адилем Якубовым в те не-
ясные дни, когда мы сообща по-
спешили в Ош в тревоге за сво-

их соотечественников. Возмоз-
но, наш опыт послужит в ос-
мыслении конфликтных ситуа-
ций в потрясенной националь-
ными катаклизмами стране, имея
в виду роль интеллигенции, ко-
торая все больше вырисовыва-
ется как катализирующий фак-
тор, — и в качестве провоциру-
ющей, сатанинской силы, и силы
позитивной, консолидирующей,
гуманистической значимости.

Почуяв слабину в незащищен-
ной диалектике перестройки, про-
возгласившей как объективную
историческую потребность при-
мат возрождения национального
самосознания в лоне многонаци-
онального сообщества, носители
местнопатриотических идей,
постоянно вносившие в своих
кругах по любому случаю мни-
мое превосходство, мнимое
правопримущество одного на-
рода над другим, воспользова-
лись этим, разжигая рознь,
возбуждая эгоизм, и это в конце
концов привело к открытым
межобщинным столкновениям
значале в Оше, а затем по
области, заливая ее кровью
стравленных между собой кыр-
гыз и узбеков. Однажды за-
паленный пожар горел затем
самопронизительно, как лес.

Каким образом в условиях
настолько обострившихся отно-
шений могли проявлять себя
мы, писатели, ратовавшие
всегда за национальные права
своих народов и меньше всего
ожидавшие такого оборота в
эволюции демократической на-

щей еще и поныне, не остава-
лось места декханжу для вы-
гона курицы. И как долго не
могли мы, находясь в идейном
самокабалении, сказать об
этом правду. Классический па-
радокс тоталитаризма. А как из-
вестно, нищета да бедность
всегда таят в себе семя соци-
ального гнева и смуты.

И час пробил.
СТОЛКНОВЕНИЕ вспыхнуло
из-за спорного земельного
участка под строительство жил-
городка. Но то были лишь фито-
ли к яростному взрыву накоп-
ившихся страстей, так безот-
ветственно подогрваемых дол-
гое время одержимыми «адвока-
тами» анклавных интересов,
которые потом, запустив машину
погромов, умыли руки... Но ко-
гда это произошло, каждая сто-
рона, зывая о помощи и спра-
ведливости, воспринимала жерт-
вую агрессию только себя. Каж-
дая сторона считала себя вра-
гом, а это вело к еще большей
эскалации безумия. Межнаци-
ональные конфликты — страшны
именно тем, что страдания лю-
дей воспринимаются каждой сто-
роной только по национальному
признаку, в свете своих утрат и
претензий, и при этом реактив-
но вспыхивают инстинкт слепой
мести, порождая самую страш-
ную злолегию — чуму ненави-
сти, которая, как бензиный по-
ток с горы, сметает в одночасье
разум веков. В этом народная
трагедия. И каждый, кто риск-

нет встать между мстящими,
становится врагом и для тех, и
для других. В этом трагедия
примирителя.
...Шел третий час ночи. В зда-
нии обкома трезвоили телефо-
ны, все металось по этажам.
Поступали сведения одно тре-
вожнее другого, армия не после-
вала к местам кровавых схва-
ток, милиция же, к великому не-
счастью, защищала «своих» и
побивала «чужих». Но самое
страшное — накалившиеся во-
круг очагов конфликта силы
вотржения, «народные карате-
ли», идущие на спасение «сво-
их», — возбужденные толпы лю-
дей в соседних областях Узбе-
кистана, а в горных районах
кыргызского Алая сядались сот-
ни коней. Налектиризованная
масса готова была слезнуть по
густонаселенной Фергана, где
на каждом шагу поселения.
Требовалось средь ночи убе-
дить Москву, Туркестанский
военный округ в экстренной необ-
ходимости дополнительных воен-
ных сил. И все время на горяч-
ем проводе Ташкент, Фрунзе...

И не смолкал в душе моей
оглушительный вороний грай, и
чудилось, что все, сокращав-
шиеся так ими иначе с ошской
присподней, непременно слы-
шали тот грай над оползнем,
в этот раз — над катастрофой
людской, над катастрофой раз-
ума, ружившего в черную про-
пасть бессмысленной вражды,
оказавшейся куда страшнее, чем
стихийное бедствие. И обрашался
я к некоей высшей силе, со-
творившей, должно быть, наш
мир не для такой судьбы, с тяж-
ким вопросом: кто же мы, лю-
ди? Ведь даже звери не мстят
друг другу.

Мы ждали утра, чтобы пред-
принять единственно возможное
в нашем необычном на сей раз
писательском положении — и-
ти к людям со словом. Да, со
словом. Конечно, по телереши-
мым крутым, жестко-циничным
понятиям, это выглядело наив-
но, тем более со стороны уже
далеко не молодых людей: идти
со словом в огонь полыхающего
фанатизма? Да залпуют ведь в
толах, закидают камнями! Но
мы полагали, исходя из прежних
представлений, что наши узбек-
ские и кыргызские читатели, с
которыми связывали каждого из
нас многие годы и многие кни-
ги, одинаково читаемые на обо-
их языках, зачастую и без по-
водов, — что, быть может, они,
иди читатели, вчера еще с ува-
жением выслушивали нашему сло-
ву, прислушались к нам, стра-
жущим вместе с ними среди го-
ря и отчаяния, и одумаются,
остановятся в замках и постып-
нут через наше слово то, что
всюкий раз является людям, как
горькое, столько раз испытан-
ное открытие: в межнациональ-
ных столкновениях смешанно
живущего населения есть в мире
только один выход — безого-
ворочно отказаться от насилия,
от раздлинительных черты и лю-
бой спор решать только в кру-
гу, только сообща, только раз-
умным путем на принципах
взаимотерпимости, только так.
Идеализм? Да! Но другого не
дано! Иначе — кровь за кровь,
от детей к детям, на долгие
времена.

Мы ждали утра, сообща пере-
живая тяжкие вести, но каждый
из нас при этом в душе пере-
живал трагедию своего народа
с особой болью и остротой.
Трудно было унять в себе не-
смолкающую тревогу, не под-
дасть гневному зову крови, не
защипать одним и проклясть во-
зле других, орудующих во
эле, ибо сотворяющие, какими бы
патриотическими мотивами ни
руководствовались, неизменно
возвращают бумеранг насилия
своему же народу...

Я видел, чего это стоило Адилу
Якубову и Пиримкулу Кады-
рову, как они страдали, не

скрывая слез на глазах, я по-
нял по себе, что стоило им
сдерживать свои страдания.
НАШЕЙ главной общей идеей,
ради которой мы отправились
в Ош, было воспринимать
узбекско-кыргызский конфликт
не порознь по национальной
принадлежности нашей, а как
общую беду, не становиться ни
на одну из сторон, гореть и бо-
леть в одинаковой мере и за
тех, и за других, обращать мыс-
ли мятущихся к истокам нашей
общности, к совместно выстра-
данной истории тюркоязычных
народов как к единому куль-
турно-этническому наследию и
потенциалу, к осознанию нашей
национальной ответственности в
регионе, в стране, в мире. Тур-
кестан не должен превратиться
в ливанизированный очаг семей-
ной междоусобицы. Только на
таких принципах мы могли из-
бежать того, чтобы Кадыров и
Якубов стали бы на сторону уз-
беков, защищая, оправдывая их,
а я, соответственно, на контр-
позицию, на сторону своих кыр-
гызцев. Это было бы самое про-
стое решение, жизнь подсыла-
ла именно такую туловищную
дорогу. Но в подобном подходе
закладывался одна из причин
межнационального разобщен-
ности интеллигенции, перерос-
ство в открыто культуривную
постепенно в открыто культуривную
вражду ошских общин.
Незнание и сокращение истори-
ческого прошлого, содержащего
и положительный опыт тюркских
единений, и тяжкие противоре-

ки одного литературного
каравана, в котором каждый нес
свою ношу, и поэтому Пиримкул
Кадыров и Адил Якубов появи-
лись с полуслова, так же, как
и я их, — судьба послала на-
шим народам, и стало быть, и
нам новое испытание. Каждая
эпоха приносит свои катастро-
фы. Да, эта катастрофа была
наша. Насколько нам удава-
лось, мы высевали на страни-
цах книг семена человечности,
жизнь же предлагала нам кро-
вавую жатву...
Требовалось идти к той «жате-
ве» с идеей, которая спаяла
нас, — с нашим триединным сло-
вом, с тем, с которым человек
обращается в душе в часы отча-
яния и надежды к Богу, и к
Смерти, и к Свету.

Мы ВСТРЕТИЛИСЬ в аэропор-
ту Ташкента, чтобы, не за-
держиваясь, отправиться в Ош, и
с этого часа всюду держались
вместе. Те, кто знал нас, дер-
жало, видели в этом некий пер-
вый шаг к примирению сторон.
Во всяком случае, узбекские
руководители, а также лидеры
оппозиционных партий «Бирик-
ти» и «Эрк», прибывшие в аэро-
порт, горячо поддержали нашу
«строительную» инициативу и
помогли нам политически в са-
мом главном, без чего наши бла-
гие намерения оказались бы
тщетными, — была достигнута
твердая договоренность: соблю-
дать неприкосновенность сложив-
шихся границ, не поддерживать
никаким образом, ни официально,

ни от имени демократических
движений, никаких сепаратист-
ских намерений. И еще — уз-
бекское руководство просило
заверить население Оша в том,
что никакие силы родственной
«помощи», скопившиеся в со-
седних областях с намерением
вторгнуться в ошские пределы,
не двинутся с места, только бы
не решились на такой шаг «за-
щитники» с кыргызских гор, на
что были также даны завере-
ния. Главное же — только бы
остановились, одумались сами
ошане, пока не поздно, пока не
перекинулся пожар на узбек-
ские земли, где тоже ископ-
о прожигает немало кыргызского
населения.

С тем мы и летели в Ош, че-
рез туманные хребты, сквозь
сплохой мглиный жаркого лета.
Вместе с нами возвращались на
места несколько ошских депута-
тов-беженцев, присоединивших-
ся к нам в Ташкенте. Да, пре-
жде летавшие друг к другу на
конференции, на декады исто-
куств, на юбилей классиков,
почитая подобные мероприятия
за исключительно важные дела
(пожалуй, в чем-то так оно и
было, возможно, нам виделись
во всем этом желанные прояв-
ления дружбы народов, расце-
пели культуру), — теперь мы лете-
ли в ином направлении, в «за-
зеркальный» мир, теперь жизнь
бросала нас в совсем иные об-
стоятельства, в обремененные пре-
делы зла, как бы наказу за
былые miraжи, — в раскленен-
ную лабу межнациональной
вражды. Да, теперь мы летели
туда в экстренном порядке на
военном самолете, предостав-
ленном нам Минобороны, и в
сколь угодно, всегда беспрони-
чно для владычества.

ПРОТИВОСТОЯТЬ этому па-
рибутому процессу, форми-
рующему в среде смешанного
населения психологию враждеб-
но настроенных национальных
толп, мы могли в условиях уни-
тарно-показательного благопо-
лучия толпы в творчестве, то-
лько в сфере духовных поисков и
осмыслений того, что являли
собой в описываемых судьбах
людей неподчерпанная история
и действительность наших наро-
дов. Многие из того было сказа-
но в книгах. Подзапретная фи-
лософия Корана, запретные фи-
лософии национальной жизни,
культурной деградации в стенах
казарменного социализма, утра-
та этнических традиций, траге-
дия национальных языков — все
то, что не могло быть предме-
том обсуждений в суперподко-
трольных средствах печати, — на-
ходили свое подспудное тревожа-
щее выражение в среднеазиат-
ских литературах и тем привле-
кали к себе читателей. Это же
сближало и объединяло нас,
сблизил в русле новых реали-
стических литератур, в миро-
восприятии и демократической
целесообразности творчества, бе-
зусловно, главную роль сыграло
влияние русской художественной
мысли, ее XIX и XX веков. Это
судьба! К тому же в контексте
среднеазиатских литератур круп-
но значится и наследие Востока,
пришедшее главным образом
от арабской и персидской поэ-
зии, и здесь, естественно, каза-
лась субрегиональной наша
с таджикской культурой. Томе
судьба, и еще один основопо-
лагающий компонент, прило-
жащий неповторимое своеобразие
тюркским литературам, — могу-
щий родовый эпос, алтайский кос-
мос от «Наскального слова»
Кутлена до Мухтара Ауэзова,
течение, со дня, незримо, рас-
творенное в пространстве и вре-
мени, но без чего нет и самого
«кожан» — духовной материи,
сцепляющей родственные этно-
сы, как острова архипелага.

Все это я говорю с тем, что
было стало понятно: когда по ош-
ской тревоге мы оказались в
Ташкенте, нам несложно было
сказать друг другу, что мы
всегда были

путниками одного литературного
каравана, в котором каждый нес
свою ношу, и поэтому Пиримкул
Кадыров и Адил Якубов появи-
лись с полуслова, так же, как
и я их, — судьба послала на-
шим народам, и стало быть, и
нам новое испытание. Каждая
эпоха приносит свои катастро-
фы. Да, эта катастрофа была
наша. Насколько нам удава-
лось, мы высевали на страни-
цах книг семена человечности,
жизнь же предлагала нам кро-
вавую жатву...
Требовалось идти к той «жате-
ве» с идеей, которая спаяла
нас, — с нашим триединным сло-
вом, с тем, с которым человек
обращается в душе в часы отча-
яния и надежды к Богу, и к
Смерти, и к Свету.

Мы ВСТРЕТИЛИСЬ в аэропор-
ту Ташкента, чтобы, не за-
держиваясь, отправиться в Ош, и
с этого часа всюду держались
вместе. Те, кто знал нас, дер-
жало, видели в этом некий пер-
вый шаг к примирению сторон.
Во всяком случае, узбекские
руководители, а также лидеры
оппозиционных партий «Бирик-
ти» и «Эрк», прибывшие в аэро-
порт, горячо поддержали нашу
«строительную» инициативу и
помогли нам политически в са-
мом главном, без чего наши бла-
гие намерения оказались бы
тщетными, — была достигнута
твердая договоренность: соблю-
дать неприкосновенность сложив-
шихся границ, не поддерживать
никаким образом, ни официально,

ни от имени демократических
движений, никаких сепаратист-
ских намерений. И еще — уз-
бекское руководство просило
заверить население Оша в том,
что никакие силы родственной
«помощи», скопившиеся в со-
седних областях с намерением
вторгнуться в ошские пределы,
не двинутся с места, только бы
не решились на такой шаг «за-
щитники» с кыргызских гор, на
что были также даны завере-
ния. Главное же — только бы
остановились, одумались сами
ошане, пока не поздно, пока не
перекинулся пожар на узбек-
ские земли, где тоже ископ-
о прожигает немало кыргызского
населения.

С тем мы и летели в Ош, че-
рез туманные хребты, сквозь
сплохой мглиный жаркого лета.
Вместе с нами возвращались на
места несколько ошских депута-
тов-беженцев, присоединивших-
ся к нам в Ташкенте. Да, пре-
жде летавшие друг к другу на
конференции, на декады исто-
куств, на юбилей классиков,
почитая подобные мероприятия
за исключительно важные дела
(пожалуй, в чем-то так оно и
было, возможно, нам виделись
во всем этом желанные прояв-
ления дружбы народов, расце-
пели культуру), — теперь мы лете-
ли в ином направлении, в «за-
зеркальный» мир, теперь жизнь
бросала нас в совсем иные об-
стоятельства, в обремененные пре-
делы зла, как бы наказу за
былые miraжи, — в раскленен-
ную лабу межнациональной
вражды. Да, теперь мы летели
туда в экстренном порядке на
военном самолете, предостав-
ленном нам Минобороны, и в
сколь угодно, всегда беспрони-
чно для владычества.

ПРОТИВОСТОЯТЬ этому па-
рибутому процессу, форми-
рующему в среде смешанного
населения психологию враждеб-
но настроенных национальных
толп, мы могли в условиях уни-
тарно-показательного благопо-
лучия толпы в творчестве, то-
лько в сфере духовных поисков и
осмыслений того, что являли
собой в описываемых судьбах
людей неподчерпанная история
и действительность наших наро-
дов. Многие из того было сказа-
но в книгах. Подзапретная фи-
лософия Корана, запретные фи-
лософии национальной жизни,
культурной деградации в стенах
казарменного социализма, утра-
та этнических традиций, траге-
дия национальных языков — все
то, что не могло быть предме-
том обсуждений в суперподко-
трольных средствах печати, — на-
ходили свое подспудное тревожа-
щее выражение в среднеазиат-
ских литературах и тем привле-
кали к себе читателей. Это же
сближало и объединяло нас,
сблизил в русле новых реали-
стических литератур, в миро-
восприятии и демократической
целесообразности творчества, бе-
зусловно, главную роль сыграло
влияние русской художественной
мысли, ее XIX и XX веков. Это
судьба! К тому же в контексте
среднеазиатских литератур круп-
но значится и наследие Востока,
пришедшее главным образом
от арабской и персидской поэ-
зии, и здесь, естественно, каза-
лась субрегиональной наша
с таджикской культурой. Томе
судьба, и еще один основопо-
лагающий компонент, прило-
жащий неповторимое своеобразие
тюркским литературам, — могу-
щий родовый эпос, алтайский кос-
мос от «Наскального слова»
Кутлена до Мухтара Ауэзова,
течение, со дня, незримо, рас-
творенное в пространстве и вре-
мени, но без чего нет и самого
«кожан» — духовной материи,
сцепляющей родственные этно-
сы, как острова архипелага.

Все это я говорю с тем, что
было стало понятно: когда по ош-
ской тревоге мы оказались в
Ташкенте, нам несложно было
сказать друг другу, что мы
всегда были

путниками одного литературного
каравана, в котором каждый нес
свою ношу, и поэтому Пиримкул
Кадыров и Адил Якубов появи-
лись с полуслова, так же, как
и я их, — судьба послала на-
шим народам, и стало быть, и
нам новое испытание. Каждая
эпоха приносит свои катастро-
фы. Да, эта катастрофа была
наша. Насколько нам удава-
лось, мы высевали на страни-
цах книг семена человечности,
жизнь же предлагала нам кро-
вавую жатву...
Требовалось идти к той «жате-
ве» с идеей, которая спаяла
нас, — с нашим триединным сло-
вом, с тем, с которым человек
обращается в душе в часы отча-
яния и надежды к Богу, и к
Смерти, и к Свету.

Мы ВСТРЕТИЛИСЬ вaeroporto
Ташкента, чтобы, не за-
держиваясь, отправиться в Ош, и
с этого часа всюду держались
вместе. Те, кто знал нас, дер-
жало, видели в этом некий пер-
вый шаг к примирению сторон.
Во всяком случае, узбекские
руководители, а также лидеры
оппозиционных партий «Бирик-
ти» и «Эрк», прибывшие в аэро-
порт, горячо поддержали нашу
«строительную» инициативу и
помогли нам политически в са-
мом главном, без чего наши бла-
гие намерения оказались бы
тщетными, — была достигнута
твердая договоренность: соблю-
дать неприкосновенность сложив-
шихся границ, не поддерживать
никаким образом, ни официально,

нальное пожарище. Следовало
поспешать во Фрунзе на рес-
публиканское телевидение с та-
ким же обращением к кыргыз-
скому народу, с призывом к
особой ответственности за со-
бытия, происшедшие на его
территории. Об этом же шла
речь на объединенном пленуме
творческих союзов Кыргызстана.
Там тоже бурлили «ошские»
страсти, слхстваясь вокруг
понятия долга и роли творче-
ской интеллигенции.

ЧТО ЗНАЧИТ встать на за-
щиту своего народа, когда
постановка вопроса на другой
стороне звучит точно так же?
Видно, это двудвиная задача,
подлежащая решению всякий
раз сообща, исходя из сочета-
ния обоюдных интересов наций,
«строительную» инициативу и
помогли нам политически в са-
мом главном, без чего наши бла-
гие намерения оказались бы
тщетными, — была достигнута
твердая договоренность: соблю-
дать неприкосновенность сложив-
шихся границ, не поддерживать
никаким образом, ни официально,

ни от имени демократических
движений, никаких сепаратист-
ских намерений. И еще — уз-
бекское руководство просило
заверить население Оша в том,
что никакие силы родственной
«помощи», скопившиеся в со-
седних областях с намерением
вторгнуться в ошские пределы,
не двинутся с места, только бы
не решились на такой шаг «за-
щитники» с кыргызских гор, на
что были также даны завере-
ния. Главное же — только бы
остановились, одумались сами
ошане, пока не поздно, пока не
перекинулся пожар на узбек-
ские земли, где тоже ископ-
о прожигает немало кыргызского
населения.

С тем мы и летели в Ош, че-
рез туманные хребты, сквозь
сплохой мглиный жаркого лета.
Вместе с нами возвращались на
места несколько ошских депута-
тов-беженцев, присоединивших-
ся к нам в Ташкенте. Да, пре-
жде летавшие друг к другу на
конференции, на декады исто-
куств, на юбилей классиков,
почитая подобные мероприятия
за исключительно важные дела
(пожалуй, в чем-то так оно и
было, возможно, нам виделись
во всем этом желанные прояв-
ления дружбы народов, расце-
пели культуру), — теперь мы лете-
ли в ином направлении, в «за-
зеркальный» мир, теперь жизнь
бросала нас в совсем иные об-
стоятельства, в обремененные пре-
делы зла, как бы наказу за
былые miraжи, — в раскленен-
ную лабу межнациональной
вражды. Да, теперь мы летели
туда в экстренном порядке на
военном самолете, предостав-
ленном нам Минобороны, и в
сколь угодно, всегда беспрони-
чно для владычества.

ПРОТИВОСТОЯТЬ этому па-
рибутому процессу, форми-
рующему в среде смешанного
населения психологию враждеб-
но настроенных национальных
толп, мы могли в условиях уни-
тарно-показательного благопо-
лучия толпы в творчестве, то-
лько в сфере духовных поисков и
осмыслений того, что являли
собой в описываемых судьбах
людей неподчерпанная история
и действительность наших наро-
дов. Многие из того было сказа-
но в книгах. Подзапретная фи-
лософия Корана, запретные фи-
лософии национальной жизни,
культурной деградации в стенах
казарменного социализма, утра-
та этнических традиций, траге-
дия национальных языков — все
то, что не могло быть предме-
том обсуждений в суперподко-
трольных средствах печати, — на-
ходили свое подспудное тревожа-
щее выражение в среднеазиат-
ских литературах и тем привле-
кали к себе читателей. Это же
сближало и объединяло нас,
сблизил в русле новых реали-
стических литератур, в миро-
восприятии и демократической
целесообразности творчества, бе-
зусловно, главную роль сыграло
влияние русской художественной
мысли, ее XIX и XX веков. Это
судьба! К тому же в контексте
среднеазиатских литератур круп-
но значится и наследие Востока,
пришедшее главным образом
от арабской и персидской поэ-
зии, и здесь, естественно, каза-
лась субрегиональной наша
с таджикской культурой. Томе
судьба, и еще один основопо-
лагающий компонент, прило-
жащий неповторимое своеобразие
тюркским литературам, — могу-
щий родовый эпос, алтайский кос-
мос от «Наскального слова»
Кутлена до Мухтара Ауэзова,
течение, со дня, незримо, рас-
творенное в пространстве и вре-
мени, но без чего нет и самого
«кожан» — духовной материи,
сцепляющей родственные этно-
сы, как острова архипелага.

Все это я говорю с тем, что
было стало понятно: когда по ош-
ской тревоге мы оказались в
Ташкенте, нам несложно было
сказать друг другу, что мы
всегда были

путниками одного литературного
каравана, в котором каждый нес
свою ношу, и поэтому Пиримкул
Кадыров и Адил Якубов появи-
лись с полуслова, так же, как
и я их, — судьба послала на-
шим народам, и стало быть, и
нам новое испытание. Каждая
эпоха приносит свои катастро-
фы. Да, эта катастрофа была
наша. Насколько нам удава-
лось, мы высевали на страни-
цах книг семена человечности,
жизнь же предлагала нам кро-
вавую жатву...
Требовалось идти к той «жате-
ве» с идеей, которая спаяла
нас, — с нашим триединным сло-
вом, с тем, с которым человек
обращается в душе в часы отча-
яния и надежды к Богу, и к
Смерти, и к Свету.

Мы ВСТРЕТИЛИСЬ вaeroporto
Ташкента, чтобы, не за-
держиваясь, отправиться в Ош, и
с этого часа всюду держались
вместе. Те, кто знал нас, дер-
жало, видели в этом некий пер-
вый шаг к примирению сторон.
Во всяком случае, узбекские
руководители, а также лидеры
оппозиционных партий «Бирик-
ти» и «Эрк», прибывшие в аэро-
порт, горячо поддержали нашу
«строительную» инициативу и
помогли нам политически в са-
мом главном, без чего наши бла-
гие намерения оказались бы
тщетными, — была достигнута
твердая договоренность: соблю-
дать неприкосновенность сложив-
шихся границ, не поддерживать
никаким образом